

Реакция на наблюдаемую травлю и её связь с гендерным фактором

В. Л. Назаров, Н. В. Авербух

Аннотация— Кибербуллинг как явление прямо зависит от негласных участников, то есть многочисленных свидетелей, которые наблюдают происходящее. Их молчание и тем более поддержка действий агрессора может подстегнуть преследователя, заставить его решительней давить на жертву и создать у жертвы ощущение, что против неё ополчились все пользователи Интернета. Фактически, совершая свои действия, преследователь ориентируется не только на жертву, но и на свидетелей кибербуллинга, чьё количество может преувеличивать, так как в Интернете многие люди молча читают информацию, не вмешиваясь в происходящее. С другой стороны, достаточно одного равнодушного свидетеля, чтобы жертва поняла, что она не одинока, а преследователь не считал, что может безнаказанно продолжать травлю. Поэтому в целях профилактики кибербуллинга важной точкой приложения усилий является работа с потенциальными свидетелями. В рамках данной работы участникам исследования предлагается представить себя свидетелями случаев кибербуллинга, происходящего между одноклассниками или посторонними друг другу детьми (внутришкольный и внешкольный кибербуллинг). Респондентам предлагается определиться с реакцией на каждого из участников кибербуллинга в каждой роли: вызывают ли они положительную или отрицательную реакцию. Встаёт вопрос, связаны ли предпочтения с полом. Традиционно считается, что мальчики занимают более агрессивную позицию, а девочки чаще становятся жертвами или пытаются жертву защитить. Результаты в общих чертах подтвердили эту тенденцию: мальчики лучше, чем девочки, относятся к агрессорам и агрессивным свидетелям, а девочки – к заступающимся свидетелям. На основании этого можно порекомендовать при профилактике кибербуллинга проводить разную работу с мальчиками и девочками, опираясь на характерные для них предпочтения.

Статья получена 25 ноября 2024.

Статья подготовлена по итогам выступления на конференции «Интернет и современное общество», IMS-2024.

Назаров Владимир Лазаревич, доктор педагогических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры проектного управления в образовании Института развития образования Свердловской области; ORCID 0000-0001-9236-161X; Екатеринбург, Россия. (e-mail: v.l.nazarov@urfu.ru).

Авербух Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры профессиональной педагогики и психологии институт психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета; старший преподаватель учебно-научного центра «Информационная безопасность» Института радиоэлектроники и информационных технологий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-8232-6711; Екатеринбург, Россия. (e-mail: natalya_averbukh@mail.ru).

Ключевые слова— кибербуллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг, свидетели кибербуллинга, анонимный кибербуллинг, открытый кибербуллинг, гендерный фактор кибербуллинга.

I. ВВЕДЕНИЕ

Кибербуллинг отличается от традиционной травли в первую очередь анонимностью, наличием невидимых свидетелей, отсутствием обратной связи. При этом преследователь получает возможность додумывать ту реакцию, которая ему больше нравится [1]. Дети склонны скрывать факт электронного насилия, опасаясь, что их лишат доступа к Интернету [1]–[3]. Взрослому показалось бы разумным – ограничить доступ ребёнка в Интернет, чтобы прекратить поток оскорблений. Но для ребёнка это не решает проблему, а становится дополнительным наказанием. Это снижает доверие ребёнка к взрослому, а также желание жаловаться на имеющиеся проблемы в сети [1].

Кибербуллинг охватывает большее число вольных или невольных участников из-за того, что в сети множество людей могут оказаться в числе свидетелей травли [4], при этом свидетели могут присоединиться к кибербуллингу [5]. Однако роль свидетеля (или наблюдателя, как её обозначают в своей статье Г.У. Солдатов и А.Н. Ярмина является наименее изученной [4].

Проблема свидетелей связана с выбором стороны, которую они принимают, и в первую очередь – с готовностью или неготовностью помочь жертве. Несмотря на то, что усилия преследователя сосредоточены на жертве, целью преследователя является свидетель, его мнение и реакция [6].

Таким образом, именно позиция свидетелей кибербуллинга определяет масштабы начинающейся Интернет-травли. В данном исследовании детям предложили выступить в роли свидетелей кибербуллинга и определить свою позицию относительно его участников. Для этого респондентам были продемонстрированы виньетки, содержащие истории, описывающие конкретные эпизоды кибербуллинга, а потом были заданы вопросы, касающиеся отношения к героям этих историй. В рамках данной работы в сфере нашего внимания были гендерные различия между реакциями на персонажей в тех или иных ролях. Если судить по литературе, мальчики более агрессивно настроены, чем девочки. В

таком случае мальчики будут в большей степени одобрять агрессора и присоединяющегося к нему свидетеля (агрессивного свидетеля), а также осуждать жертву и свидетеля, который пытается ей помочь (заступающегося свидетеля). Кроме того, интересен вопрос разницы отношения мальчиков и девочек к участникам кибербуллинга своего и чужого пола.

Основная гипотеза исследования: реакция на наблюдаемую травлю среди школьников связана с гендером: мальчики больше будут поддерживать преследователей (агрессоров и агрессивных свидетелей), девочки – тех, кто помогает жертве (заступающихся свидетелей).

Объект исследования: реакция школьников на наблюдаемую травлю в Интернете.

Предмет исследования: связь между реакцией школьников на наблюдаемую травлю в Интернете и гендером.

Цель данной работы: установление связи между реакцией школьников на наблюдаемую травлю в Интернете и гендером.

II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

A. Понятийный аппарат

Говоря о кибербуллинге, необходимо обратиться к вопросу буллинга как такового. Буллинг без использования технических средств обычно обозначается как традиционный буллинг. В данной работе используется определение традиционного буллинга, данное шведским исследователем D. Olweus в работе [7], в котором он описывает буллинг как вред, который один или несколько учеников причиняет жертве с помощью оскорблений, игнорирования и бойкота, клеветы или физического насилия, причём такие действия производятся неоднократно и по отношению ученика, которому трудно себя защитить. D. Olweus специально подчёркивает, что к ситуации буллинга не относятся дружеские подначивания или конфликт между двумя учениками с одинаковым уровнем силы или влияния на товарищей [7].

В той же работе приводятся три критерия традиционного буллинга:

- преднамеренность;
- некоторая повторяемость;
- дисбаланс сил [7].

Что касается кибербуллинга, то необходимость дать более последовательное определение его критериев постулируется в относительно недавней работе индонезийского коллектива [8]. По сути, кибербуллинг представляет собой агрессивные действия одного или нескольких лиц по отношению другого лица. Существуют различные определения, так или иначе связанные с причинением вреда жертве с использованием Интернета, цифровых технологий, электронных средств коммуникации и т.п. [9]–[11]. Среди этих определений только данное в работе Р.К. Smith и его коллег содержит упоминание

неоднократности и долговременности вредоносного воздействия [11]. Это подводит нас к вопросу о применимости к кибербуллингу критериев традиционного буллинга.

Критерии кибербуллинга зачастую представляют собой расширенную версию критериев традиционного буллинга:

- преднамеренность [12]– [15];
- некоторая повторяемость, однако значимость этого критерия ставится под сомнение в работах [12]–[14];
- дисбаланс сил [12]–[14];
- анонимность [1], [12], [13], [16]–[18]; при этом важность такого критерия и его влияние как фактора ставится под сомнение в работах [14] и [19];
- публичное против частного [12], [13].

Однако не всегда эти критерии играют свою роль. Например, в работе пакистанских учёных показано, что, по мнению подростков, на первый план выходит восприятие жертвы: если жертва воспринимает воздействие как эмоционально разрушительное, то это считается достаточным для того, чтобы определить его как кибербуллинг, а использование таких критериев, как намерение, повторение и дисбаланс сил становится совершенно неуместными [20].

Как показано в работе [15], наиболее важным для участников кибербуллинга является социальный вопрос доминирования, а не индивидуальный вопрос причинённого.

Также можно назвать такой критерий кибербуллинга как возможность для преследователя достигнуть свою жертву в любом месте и в любое время [14], [21].

Что касается повторяемости/неоднократности травли, то, как указали в своей работе Г.У. Солдатова и ее коллеги, одно враждебное действие преследователя может быть многократно повторено им на разных ресурсах и вольно или невольно «растиражировано» другими пользователями, что трансформирует однократный акт агрессии в повторяемый и создает эффект дисбаланса сил. Неравенство сил также создается за счет разного уровня цифровой компетентности [21].

B. Роль свидетелей кибербуллинга

Свидетели кибербуллинга могут выказывать готовность помочь жертве или, напротив, присоединиться к травле на стороне преследователя. Этот вопрос поднимался в работах [22]–[24].

В отечественной работе 2021 года свидетели кибербуллинга условно подразделяются на следующие группы:

- «подстрекатели: они наблюдают агрессию, одобряют и подстрекают агрессора;
- аутсайдеры: они нейтральны и не хотят вмешиваться, но молча наблюдают;
- защитники: они поддерживают жертву атаки или помогают ей» [9, С. 94].

Склонность свидетелей выбирать роль «защитника» связана с такими факторами как ожидание

положительного результата от помощи жертве, а также воспитательные мероприятия, направленные на информирование учащихся о кибербуллинге [23] и дружба свидетеля с [25]. В работе [26] показано, что кибербуллинг вызывает более сильную мотивацию защищать жертв у подростков-свидетелей по сравнению с ситуациями традиционного буллинга.

Склонность свидетелей выбирать роль подстрекателя, связана с изначальным намерением причинить вред, а также отсутствием навыков эмпатии, социального взаимодействия и копинг-стратегий [23]. Также на выбор роли подстрекателя или нейтрального свидетеля, не вмешивающегося в травлю, может влиять предыдущий опыт: если свидетель кибербуллинга уже наблюдал кибербуллинг в прошлом, его эмпатия по отношению к жертвам кибербуллинга в настоящем снижается по сравнению с тем свидетелем, который наблюдает кибербуллинг впервые [24].

С. Гендерный фактор в кибербуллинге

Вопрос о связи гендера и поведения в рамках кибербуллинга достаточно сложный. В ряде работ указано, что такой связи нет [27]–[29].

Авторы [27] высказывают гипотезу, что отсутствие связи гендера и преследования в кибербуллинге происходит из-за анонимности кибербуллинга, при которой женщина избавляется от социо-культурного требования быть неагрессивной и ведёт себя свободно.

В работе [30] показано, что, в ситуации, когда речь идёт об отношениях, мотивированных популярностью, у девочек есть связь между поведением и совершением агрессии в кибер-отношениях, в то время как у мальчиков такая связь не была обнаружена.

В ряде работ показано, что мальчики или взрослые мужчины более склонны становиться агрессорами в кибербуллинге, а женщины – жертвами [31]–[35]. Кроме того, у женщин выше связь между кибервиктимизацией и депрессией [31]. Также в работе [9] показано, что девочки чаще становятся жертвами кибербуллинга, чем мальчики.

Работа [36] посвящена жертвам традиционного буллинга и кибербуллинга, а также рекомендациям по преодолению, которые они дают другим. Девочки чаще становятся жертвами и традиционного буллинга, и кибербуллинга, и чаще рекомендуют игнорировать или блокировать обидчика, а мальчики сообщают о травле реже и при этом рекомендуют давать отпор.

В работе [11], однако, говорится, что, хотя девочки чаще становятся жертвами кибербуллинга, в участии в кибербуллинге в качестве преследователя нет гендерных различий. Противоположное мнение указано в работе [4]: столкнуться с кибербуллингом в качестве жертвы могут подростки любого пола с равной частотой, но при этом девочки чаще выступают в качестве жертв, а мальчики – преследователей.

Более тонкое гендерное различие показано по результатам работы [37]: мальчики чаще становятся инициаторами частого кибербуллинга, а девочки – периодического.

В работе [38], посвящённой гендерным различиям в киберагрессии, результаты несколько неоднозначны, но указывается, что в целом уровень киберагрессии в выборках мальчиков и девочек не отличается. При этом девочки-подростки (возраст – 10-16 лет) достоверно чаще, чем мальчики, фиксируют проявления киберагрессии в свой адрес.

В рамках обзора, приведённого в работе [37] говорится об гендерных различиях в роли свидетелей традиционного буллинга. Девочки чаще становятся свидетелями, чем мальчики, при этом часть авторов утверждает, что они занимают роль заступающегося свидетеля, а часть – нейтрального.

Результаты [39] показывают, что девочки чаще встают на сторону жертвы кибербуллинга, а мальчики – присоединяются к преследователю. Схожие, однако не идентичные результаты получены в [40]: женщины более склонны вмешиваться, а мужчины – оставаться пассивными.

В работе [41] показано, что агрессивные мальчики будут отвергнуты сверстниками, а агрессивные девочки как отвергнуты, так и приняты.

D. Виньетки как метод исследования кибербуллинга

Виньетки как метод исследования обладают большим преимуществом перед другими методиками. Они позволяют испытуемым принять участие в своего рода мысленном эксперименте, оценив ситуацию так, как если бы они наблюдали её со стороны. Методически виньетки представляют собой краткие рассказы, описывающие гипотетические ситуации, на которые респонденту предлагается выразить свою реакцию. Гипотетичность этих ситуаций позволяет обойти «острые углы» и изучать сензитивные темы. Для того, чтобы исключить влияние на респондента, в рамках виньеток используется нейтральная лексика. Виньетки дают другой результат, нежели опросники или прямое интервью, так как предлагают объёмное изображение проблемной ситуации с множеством сопутствующих факторов, которые, как правило, не учитываются в опросниках [42].

Одним из вариантов применения виньеток является факторный опрос, описанный в работе [43], в рамках которого варьируются уровни независимых переменных (факторов), что позволяет оценивать влияние этих факторов на зависимые переменные. Согласно мнению, высказанному в [43], этот метод одновременно позволяет учитывать контекст и снижает влияние факторов желательности.

Использование метода виньеток для исследования кибербуллинга представлено в таких работах как [26] и [28], которые посвящены изучению факторов, влияющих на выбор свидетеля кибербуллинга по отношению защиты жертвы или присоединения к травле.

III. МЕТОДИКА

Методом данного исследования является онлайн-анкетирование. В исследовании приняли участие 251

школьник 5-11 классов гимназии № 35 г. Екатеринбург. Возрастные характеристики респондентов: от 11 до 18 лет. Распределение респондентов по половому признаку: девочек – 147 (59%), мальчиков – 104 (41%).

Респондентам предлагались виньетки с описанием историй, содержащих эпизоды кибербуллинга. В этих историях всегда действовали или только мальчики или только девочки. Истории касались или открытого или анонимного (с помощью фальшивых, «фейковых» аккаунтов) кибербуллинга, или внутри- или внешкольного кибербуллинга. Роли свидетелей травли выделялись в соответствии с группами, выделенными в работе [9], поэтому среди персонажей каждой истории всегда была жертва, агрессор, свидетель, присоединяющийся к травле (далее – агрессивный свидетель), свидетель, заступающийся за жертву (далее – заступающийся свидетель), и свидетель, который предпочёл не вмешиваться в ситуацию травли (далее – нейтральный свидетель).

После каждой истории следовали вопросы, касающиеся отношения респондентов к персонажам каждой истории, ответы на которые засчитывались как положительные или отрицательные выборы:

- 1) Кому из них ты больше сопереживаешь? (положительный);
- 2) С кем бы ты хотел (делать что-то совместно)? (положительный);
- 3) Кто тебе кажется наиболее неприятным? (отрицательный);
- 4) С кем бы ты постарался не иметь дела? (отрицательный);
- 5) Кто из них, на твой взгляд, правильно вёл себя в этой ситуации? (положительный);
- 6) Кто из них вёл себя неправильно? (отрицательный);
- 7) С кем из этих девочек/мальчиков ты себя ассоциируешь? (положительный).

Положительный (хотел бы дружить, поступил правильно и т. п.) или отрицательный (не хотел бы дружить, поступил неправильно) выбор персонажа в

конкретной роли рассматривался как один балл, который присваивался этой роли. Впоследствии по положительным и отрицательным выборам каждой роли высчитывался средний балл – сперва внутри одной истории, а потом и между различными историями, предложенными респондентам. Таким образом, каждому респонденту соответствовали его средние оценки положительных выборов каждой роли (оценка положительных выборов жертвы, положительных выборов агрессора и т. п.) и средние оценки отрицательных выборов каждой роли. Продолжая цикл предыдущих исследований, мы разделили внутришкольный и внешкольный кибербуллинг.

В рамках данного исследования использовались такие методы математической статистики, как коэффициент точно-бисериальной корреляции, критерий Стьюдента.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе обработки результатов за каждый положительный выбор персонажа в той или иной роли этому персонажу присваивался один балл. Вопросов, касающихся положительных выборов, было 4, а вопросов, касающихся отрицательных выборов, было 3. Для удобства сравнения были выведены средние оценки положительных выборов и отрицательных выборов. Усреднение происходило по вопросам. Таким образом, теоретический диапазон средних ответов варьируется от 0 до 1. Далее выборка была разделена на респондентов мужского и респондентов женского пола. Для удобства далее было произведено усреднение по всем положительным и всем отрицательным выборам (по отдельности) по всем видам кибербуллинга, совершаемым респондентами мужского пола по отношению персонажей-мальчиков и, отдельно, по отношению персонажей девочек. То же было произведено для респондентов женского пола. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние значения положительных (то есть согласий на взаимодействие) и отрицательных (то есть отказов от взаимодействия) выборов персонажей мужского и женского пола (мальчиков и девочек) респондентами мужского и женского пола (обобщённые по всем респондентам мужского и женского пола и по всем видам кибербуллинга)

Роли, выбранные респондентами	Персонажи	Ответы респондентов мужского пола, N ₁ = 104		Ответы респондентов женского пола, N ₂ = 147	
		Положительные выборы	Отрицательные выборы	Положительные выборы	Отрицательные выборы
Жертва	Девочки	0,19	0,22	0,2	0,19
	Мальчики	0,23	0,21	0,19	0,17
Агрессор	Девочки	0,21	0,33	0,16	0,38
	Мальчики	0,17	0,36	0,16	0,38
Агрессивный свидетель	Девочки	0,24	0,28	0,22	0,29
	Мальчики	0,27	0,3	0,22	0,29
Заступающийся	Девочки	0,29	0,2	0,33	0,13

свидетель	Мальчики	0,27	0,16	0,33	0,15
Нейтральный свидетель	Девочки	0,23	0,21	0,2	0,21
	Мальчики	0,22	0,21	0,2	0,21

В рамках данной работы нас в большей степени интересует сравнение между ответами респондентов мужского и женского пола (далее – мальчиков и девочек) по отношению представителей разных ролей мужского и женского пола. В целом имеет место тенденция для мальчиков делать более высокие положительные выборы и более низкие отрицательные в адрес преследователей (агрессоров и агрессивных свидетелей), а также более низкие отрицательные и более высокие положительные в адрес заступающегося свидетеля, чем для девочек. Обращает на себя внимание тот факт, что среди мальчиков средняя оценка положительных выборов мальчика-заступающегося свидетеля и мальчика-агрессивного свидетеля одинаковые, тогда как среди девочек средняя оценка положительных выборов как мальчиков, так и девочек-заступающихся свидетелей максимальна. Что касается отрицательных выборов, то выше всего отрицательные выборы у агрессоров, причём мальчики сильнее осуждают мальчиков-агрессоров, чем девочек-агрессоров, а девочки и мальчиков, и девочек-агрессоров одинаково. Ниже всего оценка положительных выборов агрессоров (у девочек также одинаково, мальчики ниже оценивают мальчика-агрессора, чем девочку-агрессора) и отрицательных

оценок заступающегося свидетеля.

Для оценки значимости различий был рассчитан критерий Стьюдента для средних значений положительных (то есть согласий на взаимодействие) и отрицательных (то есть отказов от взаимодействия) выборов персонажей мужского и женского пола (мальчиков и девочек) между ответами респондентов мужского и женского пола. Результаты представлены в таблице 2.

Кроме того, были рассчитаны корреляции с помощью точно-бисериального коэффициента корреляции, между дихотомической шкалой пола и положительными и отрицательными выборами тех или иных ролей в кибербуллинге, см. таблицу 3. Результаты корреляции подтверждают результаты, полученные при оценке значимости различий между выборами, которые делали мальчики, и выборами, которые делали девочки.

Ниже в комментарии к таблицам 2 и 3 также в случае значимости различий будут приводиться оценки положительных и отрицательных выборов мальчиками и девочками по отношению к персонажам в тех или иных ролях в конкретных видах кибербуллинга (эти данные не представляются в таблицах, так как важными представляются только в случае значимости различий).

Таблица 2. Различия, рассчитанные с помощью критерия стьюдента, между средними значениями положительных и отрицательных выборов в ответах респондентов мужского и женского пола на вопросы, посвящённым историям из виньеток, описывающих кибербуллинг

Виды кибербуллинга, о которых рассказывалось в виньетках	Положительные или отрицательные выборы	Роли, выбранные респондентами				
		Жертва	Агрессор	Агрессивный свидетель	Заступающийся свидетель	Нейтральный свидетель
Открытый внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	1,60	-1,19	0,30	-0,17	-0,44
	Отрицательные выборы	-1,05	2,13	-0,14	-1,89	-0,63
Открытый внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	-0,97	-1,51	-1,34	3,13	-0,26
	Отрицательные выборы	-0,71	1,44	-0,34	-1,37	-0,11
Анонимный внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	-0,26	-1,52	-0,24	2,50	-1,59
	Отрицательные выборы	-1,22	2,06	-0,82	-2,18	1,40
Анонимный внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	-0,37	-0,08	-0,06	0,92	-0,87
	Отрицательные выборы	-0,20	-1,05	0,80	1,40	-0,07
Открытый внешкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	0,91	-1,78	-0,96	2,55	-1,74
	Отрицательные выборы	-1,33	1,76	0,72	-1,52	-0,49
Открытый внешкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	-0,61	-0,56	-2,07	3,52	-1,11
	Отрицательные выборы	-1,13	1,43	0,17	-1,28	-0,07
Анонимный внешкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	0,93	-1,63	-0,87	1,85	-0,95
	Отрицательные выборы	-0,52	1,31	1,20	-2,11	-1,03
Анонимный внешкольный	Положительные выборы	0,03	0,34	-2,20	1,97	-0,26

кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Отрицательные выборы	-1,04	0,42	0,19	0,47	-0,13
------------------------------------	----------------------	-------	------	------	------	-------

Примечание. Общая выборка $N = 251$; критические значения критерия Стьюдента $t_{кр.} = 0,1651$, $p < 0,1$, $t_{крит.} = 1,96$ при $p < 0,05$; $t_{крит.} = 2,58$ при $p < 0,01$.

Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Из таблицы 2 следует, что существуют значимые различия в следующих случаях:

— В открытом внутришкольном кибербуллинге между отрицательными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-агрессора: оценка мальчиков – 0,35, оценка девочек – 0,46. Таким образом, **отрицательный** выбор девочек по отношению к девочке-агрессору в открытом внутришкольном кибербуллинге, **выше**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и отрицательными выборами, см. таблицу 3.

— В открытом внутришкольном кибербуллинге есть различия между отрицательными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,14, оценка девочек – 0,08. Таким образом, **отрицательный** выбор девочек по отношению к девочке-заступающему свидетелю в открытом внутришкольном кибербуллинге, **ниже**, чем у мальчиков. Это различие имеет нулевой уровень значимости, однако оно подтверждается также значимой корреляцией между полом и отрицательными выборами, см. таблицу 3.

— В открытом внутришкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению мальчика-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,21, девочек – 0,33. Таким образом, **положительный** выбор мальчиков по отношению к мальчику-заступающему свидетелю в открытом внутришкольном кибербуллинге, **ниже**, чем у девочек. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

— В анонимном внутришкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,25, девочек – 0,36. Таким образом, **положительный** выбор девочек по отношению к девочке-заступающему свидетелю в анонимном внутришкольном кибербуллинге, **выше**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

— В анонимном внутришкольном кибербуллинге между отрицательными выборами мальчиков и девочками по отношению девочки-агрессора: оценка мальчиков – 0,28, девочек – 0,38. Таким образом, **отрицательный** выбор девочек по отношению к девочке-агрессору в анонимном внутришкольном кибербуллинге **выше**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой

корреляцией между полом и отрицательными выборами, см. таблицу 3.

— В анонимном внутришкольном кибербуллинге между отрицательными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,14, девочек – 0,07. Таким образом, **отрицательный** выбор девочек по отношению к девочке-заступающему свидетелю в анонимном внутришкольном кибербуллинге, **ниже**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и отрицательными выборами, см. таблицу 3.

— В открытом внешкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,23, девочек – 0,34. Таким образом, **положительный** выбор девочек по отношению к девочке-заступающему свидетелю в открытом внешкольном кибербуллинге, **выше**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

— В открытом внешкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению мальчика-агрессивного свидетеля: оценка мальчиков – 0,25, девочек – 0,17. Таким образом, **положительный** выбор мальчиков по отношению к мальчику-агрессивному свидетелю в открытом внешкольном кибербуллинге, **выше**, чем у девочек. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

— В открытом внешкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению мальчика-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,21, девочек – 0,35. Таким образом, **положительный** выбор мальчиков по отношению к мальчику-заступающему свидетелю в открытом внешкольном кибербуллинге **ниже**, чем у девочек. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

— В анонимном внешкольном кибербуллинге между отрицательными выборами мальчиков и девочек по отношению девочки-заступающего свидетеля: оценка мальчиков – 0,13, девочек – 0,07. Таким образом, **отрицательный** выбор девочек по отношению к девочке-заступающему свидетелю в анонимном внешкольном кибербуллинге, **ниже**, чем у мальчиков. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и отрицательными выборами, см. таблицу 3.

— В анонимном внешкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков и девочек по отношению мальчика-агрессивного свидетеля: оценка мальчиков – 0,26, девочек – 0,18. Таким образом, **положительный** выбор мальчиков по отношению к **мальчику-агрессивному свидетелю** в анонимном внешкольном кибербуллинге, **выше**, чем у девочек. Это подтверждается также значимой корреляцией между полом и положительными выборами, см. таблицу 3.

Таким образом, мы видим, все различия существуют в оценке агрессоров, агрессивных свидетелей и заступающихся свидетелей. Различий по отношению к жертве и к нейтральному свидетелю между мальчиками и девочками нет. В целом (хотя не во всех случаях) преобладает тенденция для девочек больше, чем у мальчиков, положительно выбирать свидетеля, заступающегося за жертву, и отрицательно – агрессора и агрессивного свидетеля.

Таблица 3. Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между средними значениями положительных и отрицательных выборов в ответах респондентов на вопросы, посвящённым историям из виньеток, описывающих кибербуллинг, и полом респондентов

Виды кибербуллинга, о которых рассказывалось в виньетках	Положительные или отрицательные выборы	Роли, выбранные респондентами				
		Жертва	Агрессор	Агрессивный свидетель	Заступающийся свидетель	Нейтральный свидетель
Открытый внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	-0,099	0,079	-0,019	0,011	0,028
	Отрицательные выборы	0,067	-0,134	0,009	0,125	0,040
Открытый внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	0,064	0,101	0,086	-0,193	0,016
	Отрицательные выборы	0,046	-0,090	0,022	0,091	0,007
Анонимный внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	0,017	0,099	0,015	-0,157	0,102
	Отрицательные выборы	0,079	-0,127	0,053	0,147	-0,086
Анонимный внутришкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	0,025	0,005	0,004	-0,059	0,057
	Отрицательные выборы	0,013	0,068	-0,051	-0,086	0,004
Открытый внешкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	-0,060	0,111	0,060	-0,160	<i>0,111</i>
	Отрицательные выборы	0,087	-0,110	-0,046	0,101	0,032
Открытый внешкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	0,041	0,037	0,134	-0,214	0,072
	Отрицательные выборы	0,073	-0,090	-0,011	0,085	0,005
Анонимный внешкольный кибербуллинг. Персонажи – девочки	Положительные выборы	-0,060	0,103	0,055	-0,116	0,061
	Отрицательные выборы	0,033	-0,082	-0,076	0,140	0,065
Анонимный внешкольный кибербуллинг. Персонажи – мальчики	Положительные выборы	-0,002	-0,022	0,144	-0,1238	0,017
	Отрицательные выборы	0,068	-0,026	-0,012	-0,030	0,008

Примечание: N = 251. Критические значения критерия точечно-бисериальной корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,124$ при $p < 0,05$; $r_{\text{крит.}} = 0,163$ при $p < 0,01$.

В целом можно говорить, что существует связь между полом и отношением к участникам кибербуллинга. Девочки более склонны позитивно относиться к тому, кто помогает жертве и негативно – к тому, кто вредит жертве, а мальчики более позитивно относятся к преследователям. С отношением к самой жертве или

нейтральному свидетелю пол не связан.

Кроме того, вызывает интерес вопрос, есть ли различия между тем, как мальчики и девочки оценивают участников кибербуллинга своего пола и тем, как они оценивают участников противоположного пола. Результаты см. в таблицах 4-5.

Таблица 4. Различия, рассчитанные с помощью критерия стьюдента, между средними значениями положительных и отрицательных выборов в ответах респондентов мужского пола на вопросы, посвящённым историям из виньеток, описывающих кибербуллинг, произошедший с персонажами-девочками и персонажами-мальчиками

Виды кибербуллинга, о которых рассказывалось в виньетках	Положительные или отрицательные выборы	Роли, выбранные респондентами				
		Жертва	Агрессор	Агрессивный свидетель	Заступающийся свидетель	Нейтральный свидетель
Открытый внутришкольный кибербуллинг.	Положительные выборы	-1,58	-0,34	-1,30	2,30	0,30
	Отрицательные выборы	1,08	0,00	-1,78	1,42	-0,23
Анонимный внутришкольный кибербуллинг	Положительные выборы	-0,07	1,37	0,14	-1,04	0,15
	Отрицательные выборы	1,18	-2,19	1,29	1,56	-0,73
Открытый внешкольный кибербуллинг	Положительные выборы	-1,23	0,43	-1,22	0,61	1,44
	Отрицательные выборы	0,08	-0,97	-0,39	0,96	0,76
Анонимный внешкольный кибербуллинг	Положительные выборы	-1,03	2,26	-1,00	0,54	-0,28
	Отрицательные выборы	0,53	-1,09	0,08	<i>1,81</i>	-0,68

Примечание. N = 251. Критические значения критерия Стьюдента: $t_{\text{крит.}} = 1,969$ при $p < 0,05$; $t_{\text{крит.}} = 2,596$ при $p < 0,01$. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Из таблицы 3 следует, что существуют значимые различия в следующих случаях:

- В открытом внутришкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков по отношению к девочкам-заступающимся свидетелям и к мальчикам-заступающимся свидетелям: сделанная мальчиками оценка мальчика-заступающегося свидетеля – 0,21, а сделанная мальчиками оценка девочки-заступающейся свидетеля – 0,30. Таким образом, **положительный** выбор **мальчиков** по отношению к **мальчикам-заступающимся свидетелям** в открытом внутришкольном кибербуллинге **ниже**, чем по отношению к **девочкам-заступающимся свидетелям**.
- В анонимном внутришкольном кибербуллинге между отрицательными выборами мальчиков по отношению к девочкам-агрессорам и мальчикам-агрессорам: сделанная мальчиками оценка мальчика-агрессора – 0,39, сделанная мальчиками оценка девочки-агрессора – 0,28. Таким образом, **отрицательный** выбор **мальчиков** по отношению к **мальчикам-агрессорам** в анонимном

внутришкольном кибербуллинге **выше**, чем по отношению к **девочкам-агрессорам**.

- В анонимном внешкольном кибербуллинге между положительными выборами мальчиков по отношению к девочкам-агрессорам и мальчикам-агрессорам: сделанная мальчиками оценка мальчика-агрессора – 0,12, сделанная мальчиками оценка девочки-агрессора – 0,18. Таким образом, **положительный** выбор **мальчиков** по отношению к **мальчикам-агрессорам** в анонимном внешкольном кибербуллинге **ниже**, чем по отношению к **девочкам-агрессорам**.

В открытом внешкольном кибербуллинге нет значимых различий в том, как респонденты мужского пола положительно или отрицательно выбирали тех или иных персонажей своего или чужого пола.

Таким образом, можно говорить о том, что мальчики могут более позитивно и менее негативно оценивать девочку, чем мальчика в случае её участия в кибербуллинге в роли агрессора или заступающегося свидетеля.

Таблица 5. Различия, рассчитанные с помощью критерия стьюдента, между средними значениями положительных и отрицательных выборов в ответах респондентов женского пола на вопросы, посвящённым историям из виньеток, описывающих кибербуллинг, произошедший с персонажами-девочками и персонажами-мальчиками

Виды кибербуллинга, о которых рассказывалось в виньетках	Положительные или отрицательные выборы	Роли, выбранные респондентами				
		Жертва	Агрессор	Агрессивный свидетель	Заступающийся свидетель	Нейтральный свидетель
Открытый внутришкольный кибербуллинг.	Положительные выборы	0,94	-0,17	0,36	-0,93	0,11
	Отрицательные выборы	0,80	0,72	-1,64	0,98	-0,74
Анонимный внутришкольный кибербуллинг	Положительные выборы	0,07	-0,19	-0,05	0,45	-0,51
	Отрицательные выборы	0,20	0,87	-0,32	-2,10	0,74
Открытый внешкольный кибербуллинг	Положительные выборы	0,15	-0,60	-0,05	-0,28	0,80
	Отрицательные выборы	-0,07	-0,66	0,17	0,72	0,40
Анонимный внешкольный	Положительные выборы	-0,25	0,26	0,41	0,41	-0,95

кибербуллинг	Отрицательные выборы	1,15	-0,23	1,16	-0,81	-1,45
--------------	----------------------	------	-------	------	-------	-------

Примечание. N = 251. Критические значения критерия Стьюдента: $t_{\text{крит.}} = 1,969$ при $p < 0,05$; $t_{\text{крит.}} = 2,596$ при $p < 0,01$. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Из таблицы 5 следует, что существует значимое различие в анонимном внутришкольном кибербуллинге между отрицательными выборами девочек по отношению девочек-заступающихся свидетелей и мальчиков-заступающихся свидетелей: оценка девочкой мальчика-заступающегося свидетеля – 0,13, девочкой девочки-заступающегося свидетеля – 0,07. Таким образом, **отрицательный выбор девочек** по отношению к **девочкам-заступающимся свидетелям** ниже, чем по отношению к **мальчикам-заступающимся свидетелям**.

В остальном нет значимых различий в том, как респонденты женского пола выбирали положительно или отрицательно тех или иных персонажей своего или чужого пола.

Таким образом, девочки оценивают участников кибербуллинга в целом независимо от их пола, однако есть небольшая тенденция совершать меньше отрицательных выборов (т. е. отказов от взаимодействия) по отношению девочки, заступающейся за жертву, чем по отношению мальчика. Можно заметить, что среднее значение отрицательных выборов, сделанных девочкой по отношению к свидетелю, заступающегося за жертву, в любом случае меньше среднего для всех выборов, см. таблицу 1.

V. ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты показали, что наибольшее одобрение получил заступающийся свидетель, а наименьшее – агрессор. Что касается гендерных различий, то в ходе исследования выяснилось, что отношение к жертве и к нейтральному свидетелю не связано с полом. В целом и к тем, и другим, и мальчики, и девочки относятся примерно одинаково (оценки положительных и отрицательных выборов занимают близкие значения).

Однако существуют различия в оценке агрессоров, агрессивных свидетелей и заступающихся свидетелей. В целом (хотя не во всех случаях) преобладает тенденция для девочек больше, чем у мальчиков, положительно выбирать свидетеля, заступающегося за жертву, и отрицательно – агрессора и агрессивного свидетеля. Девочки более склонны позитивно относиться к тому, кто помогает жертве и негативно – к тому, кто вредит жертве, а мальчики более позитивно относятся к преследователям. Это соотносится с результатами, представленными в [39].

Говоря о различиях по отношению мальчиков и девочек к участникам кибербуллинга своего и чужого пола, можно отметить, что мальчики могут более позитивно и менее негативно оценивать девочку, чем мальчика в случае её участия в кибербуллинге в роли агрессора или заступающегося свидетеля, что соотносится с результатами, представленными [41].

Также мы видим, что девочки оценивают участников кибербуллинга в целом независимо от их пола, однако есть небольшая тенденция совершать меньше отрицательных выборов (т. е. отказов от взаимодействия) по отношению девочки, заступающейся за жертву, чем по отношению мальчика. В принципе, число таких выборов в любом случае ниже среднего и по отношению мальчиков, и по отношению

девочек, однако в случае девочек оно ещё ниже, то есть девочки реже оценивают девочек, заступающихся за жертву, как поступающих неправильно, тех, с кем они не хотели бы дружить, общаться, кто кажется неприятным. Мальчики, заступающиеся за жертву, получают такие оценки значимо чаще.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе применялся метод виньеток, позволяющий моделировать интересующую исследователя ситуацию и при этом избавленный от многих проблем, связанных с трудностями воспроизведения откровенно травмирующей ситуации в реальном мире. В рамках данного исследования моделировалась ситуация кибербуллинга. Рассматривался внутришкольный кибербуллинг, в котором дети-участники кибербуллинга учатся в одном классе, и внешкольный, при котором они не пересекаются в реальной жизни. Также рассматривались анонимный и открытый кибербуллинг. Поскольку сегодня значительное число платформ предполагает обязательную авторизацию, приводимые в виньетках случаи анонимного кибербуллинга происходили с использованием преследователями фальшивых «фейковых» аккаунтов. Открытый кибербуллинг совершался с использованием преследователем своего настоящего имени. Кроме того, в одних виньетках использовались истории с девочками, а в других – с мальчиками.

С помощью этого метода исследовалась реакция детей на наблюдаемую ими травлю в Интернете. Гипотезу о различном отношении мальчиков и девочек к наблюдаемой травле можно считать подтверждённой: мальчики более одобрительно, чем девочки, и менее осуждающе, относились к агрессору и агрессивному свидетелю, и напротив, менее одобрительно и более осуждающе относились к заступающемуся свидетелю. Следует, однако, учитывать, что в целом и у мальчиков, и у девочек наибольшее осуждение вызывал агрессор, а одобрение – заступающийся свидетель, так что нельзя говорить о том, что мальчики в принципе осуждали того, кто пытается помочь жертве. Однако отличия существуют.

Также интересным является тот факт, что девочки в целом, оценивая участников травли в Интернете, делают это независимо от пола участников, не отдавая преимущества ни мальчикам, ни девочкам практически ни в одной из ролей (за небольшим исключением). В то же время мальчики в большей степени одобряют то, что можно обобщённо обозначить как активность девочки – выступление в роли агрессора или заступающегося свидетеля, – чем активность мальчика в той же роли.

Эти результаты позволяют дать рекомендации при профилактике кибербуллинга несколько по-разному воздействовать на мальчика и на девочку, так как мальчики больше склонны вставать на сторону преследователя, чем девочки, а девочки больше склонны вставать на сторону заступающегося за жертву свидетеля.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 177–191.
- [2] Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник университета. 2018. № 2. С. 153–157.
- [3] Дёгтева Т.А., Моногарова Е.Г., Цветаева Т.М., Ильина В.С., Митряшкина Н.В. Профилактика кибермоббинга и кибербуллинга в среде несовершеннолетних: методическое пособие // Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф». 2017.
- [4] Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 17–31.
- [5] Panumaporn J., Hongsangsuang S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying // General Psychiatry. 2020. Vol. 33. № 3. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187.
- [6] Hou, D. The Factors, impact, and interventions of cyberbullying in schools // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2023. № 8. P. 345–353. DOI:10.54097/ehss.v8i.4272.
- [7] Olweus, D. School bullying: development and some important challenges // Annual Review of Clinical Psychology. 2013. № 9. P. 751–780. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
- [8] Akbar Z., Putri T. T., Aisyawati M.S. Cyberbullying: definition and measurement in adolescent - literature review // Humanities & Social Sciences Reviews. 2020. Vol. 8. № 4. P. 18–26.
- [9] Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97.
- [10] Willard, N. E. Cyberbullying and cyberthreats: responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress // Champaign, IL: Research Press. 2007.
- [11] Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., Tippett, N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. № 49. P. 376–385.
- [12] Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P. K. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 9. P. 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040.
- [13] Smith, P., Steffgen, G. (Eds.) Cyberbullying through the new media: findings from an international network (1st ed.) // Psychology Press. 2013. DOI:10.4324/9780203799079.
- [14] Cong, T. V., Ngoc N. P. H., Weiss B., Luot N. V., Dat N. B. Definition and characteristics of “cyberbullying” among vietnamese students // VNU Journal of Science: Education Research, [S.l.]. 2018. Vol. 34. № 4. DOI:10.25073/2588-1159/vnuer.4212.
- [15] Menin D., Guarini A., Mameli C., Skrzypiec G., Brighi A. Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2021. Vol. 21. Issue 2. 100221. P. 1–8. DOI:10.1016/j.ijchp.2021.100221.
- [16] Войскунский, А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. №1. С. 36–49.
- [17] Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2008. Vol. 2. № 2. Режим доступа: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256>.
- [18] Barlett, C. P., Gentile, D. A., & Chew, C. Predicting cyberbullying from anonymity // Psychology of Popular Media Culture. 2016. № 5(2). P. 171–180. DOI:10.1037/ppm0000055.
- [19] Zhao, L., Wu, Y., Huang, X., Zhang, L. Network anonymity and cyberbullying among chinese adolescents: a moderated mediation model // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. № 19. P. 637. DOI:10.3390/ijerph19020637.
- [20] Iqbal, S., Jami, H. Exploring definition of cyberbullying and its forms from the perspective of adolescents living in Pakistan // Psychol Stud. 2022. № 67. P. 514–523. DOI:10.1007/s12646-022-00689-0.
- [21] Солдатова, Г. У., Львова, Е. Н., Пермякова, И. Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия. Р. В. Ершова (ред.) // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Колонна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2018. С. 380–385.
- [22] Bastiaensens S., van Cleemput K., Vandebosch H., Poels K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. “Were you cyberbullied? let me help you.” Studying adolescents' online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group fora. // In: Vandebosch H., Green L. (eds) Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People. Springer, Cham. 2019. DOI:10.1007/978-3-030-04960-7_7.
- [23] DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., Deboutte, G., Herrewijn, L., Malliet, S., Pabian, S., Van Broeckhoven, F., De Troyer, O., Deglorie, G., Van Hoecke, S., Samyn, K., & De Bourdeaudhuij, I. The efficacy of the friendly attack serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: a cluster-randomized controlled trial // Computers in Human Behavior. 2018. № 78. P. 336–347. DOI:10.1016/j.chb.2017.10.011.
- [24] Pabian, S., Vandebosch, H., Poels, K., Van Cleemput, K., Bastiaensens, S. Exposure to cyberbullying as a bystander: an investigation of desensitization effects among early adolescents // Computers in Human Behavior. 2016. № 62. P. 480–487. DOI:10.1016/j.chb.2016.04.022.
- [25] Jenkins, L.N., Yang, Y., Changlani, S., Mitchell, S., Deconstructing prosocial bullying bystander actions // Contemp School Psychol. 2022. Sept. DOI:10.1007/s40688-022-00429-1.
- [26] Jungert T., Karataş P., Iotti N.O., Perrin S. Direct bullying and cyberbullying: experimental study of bystanders' motivation to defend victims and the role of anxiety and identification with the bully // Front. Psychol. 2021. № 11(616572). DOI: 10.3389/fpsyg.2020.616572.
- [27] Schoffstall, C. L., Cohen, R. Cyber aggression: the relation between online offenders and offline social competence // Social development. 2011. Vol. 20 (3). P. 587–604. DOI: 10.1007/s10964-012-9787-2.
- [28] Macaulay, P. J.R., Betts, L.R., Stiller, J., Kellezi, B. Bystander responses to cyberbullying: the role of perceived severity, publicity, anonymity, type of cyberbullying, and victim response // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 131. 107238. P. 2–13. DOI:10.1016/j.chb.2022.107238.
- [29] Erbiçer, E.S., Toprak, E. and Metin, A. Cyberbullying among adolescents in Turkey: the relationship between coping strategies and cyberbullying perpetration // Child Adolesc Ment Health. 2023. № 28. P. 67–75. DOI:10.1111/camh.12622.
- [30] Wright, M. F. Adolescents' perceptions of popularity-motivated behaviors, characteristics, and relationships in cyberspace and cyber aggression: the role of gender // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. Vol. 20. № 6. P. 355–361. DOI: 10.1089/cyber.2016.0693.
- [31] Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140. № 4. P. 1073–1137. DOI: 10.1037/a0035618.
- [32] Kyrrestad, H., Kaiser, S., Fossum, S. Frequency of bullying and cyberbullying victimization and associated factors among norwegian adolescents // Int Journal of Bullying Prevention. 2023. DOI:10.1007/s42380-023-00182-w.
- [33] Alrasheed N., Nishat S., Bin Shihah A., Alalwan A., Jradi H. Prevalence and risk factors of cyberbullying and its association with mental health among adolescents in saudi arabia // Cureus. 2022. № 14(12). e32806. P. 1–10. DOI:10.7759/cureus.32806.
- [34] Martínez-Monteagudo, M.C., Escortell, R., Delgado, B. Coping strategies in victims, bullies, bullies-victims and bystanders of cyberbullying // Edulearn18 Proceedings. 2018. P. 1739–1746. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0512.
- [35] Bayraktar, F., Machackova, H., Dedkova, L., Cerna, A., & Ševčíková, A. Cyberbullying: the discriminant factors among cyberbullies, cybervictims, and cyberbully-victims in a czech adolescent sample // Journal of Interpersonal Violence. 2015. No. 30(18). P. 3192–3216. DOI:10.1177/0886260514555006.
- [36] Sittichai, R., & Smith, P. K. Bullying and cyberbullying in thailand: coping strategies and relation to age, gender, religion and victim status // Journal of New Approaches in Educational Research. 2018. No. 7(1). P. 24–30. DOI: 10.7821/naer.2018.1.254.
- [37] Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 3. С. 62–90. DOI:10.17323/1814-9545-2021-3-62-90.
- [38] Антипина С. С. Гендерные различия киберагрессии в подростковом возрасте / Антипина С. С., Бахвалова Е. В., Микляева А. В. // Психологические исследования в образовании :

Герценовские чтения = The Herzen University Studies : Psychology in Education : материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-11 октября 2019 г. / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2019. Выпуск 2. С. 65-73. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44055147>. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-7.

- [39] Bastiaensens, S., Vandebosch, H., Poels, K., Van Cleemput, K., DeSmet, A., De Bourdeaudhuij, I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 31. P. 259-271. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036.
- [40] Wang, S., Kim, K.J. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying // *The Social Science Journal*. Routledge. 2021. No. 61(4). P. 853-862. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826.
- [41] Tzani-Pepelasi C., Ioannou M., Synnott J., Ashton S.-A. Comparing factors related to school-bullying and cyber-bullying // *Crime Psychology Review*. 2018. 4:1,1-25. P. 267-291. DOI: 10.1080/23744006.2018.1474029.
- [42] Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2015. № 4. С. 44-56. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-viniotok-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah-metodologicheskie-printsipy-i-metodicheskie-resheniya>.
- [43] Григорян Л.К., Горинова Е.В. Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // *Социальная психология и общество*. 2016. Т. 7. № 2. С. 142-157. DOI:10.17759/sps.2016070210.

Назаров Владимир Лазаревич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры проектного управления в образовании Института развития образования Свердловской области; ORCID 0000-0001-9236-161X; Екатеринбург, Россия. (e-mail: v.l.nazarov@urfu.ru)

Авербух Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры профессиональной педагогики и психологии института психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета; старший преподаватель учебно-научного центра «Информационная безопасность» Института радиоэлектроники и информационных технологий-РтФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-8232-6711; Екатеринбург, Россия. (e-mail: natalya_averbukh@mail.ru)

Reaction to the observed harassment and its connection with the gender factor

V. L. Nazarov, N. V. Averbukh

Abstract— Cyberbullying as a phenomenon directly depends on the unspoken participants, that is, numerous bystanders who observe what is happening. Their silence, and even more so their support for the aggressor's actions, can spur the persecutor, make him put more pressure on the victim and create the victim's feeling that all Internet users are against her. In fact, when committing their actions, the persecutor focuses not only on the victim, but also on bystanders of cyberbullying, whose number may be exaggerated, since many people on the Internet silently read information without interfering with what is happening. On the other hand, one caring bystander is enough for the victim to understand that she is not alone, and the persecutor did not think that he could continue the harassment with impunity. Therefore, in order to prevent cyberbullying, an important point of effort is to work with potential bystanders. As part of this work, the study participants are invited to present themselves as bystanders of cases of cyberbullying occurring between classmates or children who are strangers to each other (school and non-school cyberbullying). Respondents are asked to choose which cyberbullying participants in which role cause a positive or negative reaction. The question arises whether preferences are related to gender. Traditionally, it is believed that boys take a more aggressive position, and girls are more likely to become victims or try to protect the victim. The results in the general charts confirmed this trend: boys treat aggressors and aggressive bystanders better than girls, and girls treat interceding bystanders. Based on this, it can be recommended to carry out different work with boys and girls in the prevention of cyberbullying, based on their characteristic preferences.

Keywords— cyberbullying, school cyberbullying, non-school cyberbullying, cyberbullying bystanders, anonymous cyberbullying, open cyberbullying, gender factor of cyberbullying.

REFERENCES

- [1] A. A. Bochaver, K. D. Hlomov, "Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies," *Journal of the Higher School of Economics*, no. 3, pp. 177–191, 2014. [In Russian]
- [2] E. A. Bengina, S. A. Grishaeva, "Cyberbullying as a new form of threat to the psychological health of a teenager's personality," *Bulletin of the University*, no. 2, pp. 153–157, 2018. [In Russian]
- [3] T. A. Dyogteva, E. G. Monogarova, T.M. Cvetaeva, V.S. Il'ina, N.V. Mityashkina, "Prevention of cyberbullying and cyberbullying among minors: a methodological guide," Stavropol: Stavropol publishing house «Paragraph», 2017. [In Russian]
- [4] G. U. Soldatova, A. N. Yarmina, "Cyberbullying: features, role structure, child-parent relationships and coping strategies," *National Journal of Psychology*, no. 3(35), pp. 17–31, 2019. [In Russian]
- [5] J. Panumaporn, S. Hongsanguansri, W. Atsariyasing, K. Kiatrungrit, "Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying," *General Psychiatry*, vol. 33, no. 3, 2020. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187.
- [6] D. Hou, "The Factors, impact, and interventions of cyberbullying in schools," *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, no. 8, pp. 345–353, 2023. DOI:10.54097/ehss.v8i.4272.
- [7] D. Olweus, "School bullying: development and some important challenges", *Annual Review of Clinical Psychology*, no. 9, pp. 751–780, 2013. DOI:10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
- [8] Z. Akbar, T.T. Putri, M.S. Aisyawati, "Cyberbullying: definition and measurement in adolescent - literature review", *Humanities & Social Sciences Reviews*, vol. 8, no. 4, pp. 18–26, 2020.
- [9] E.V. Bochkareva, D.A. Strenin, "Theoretical and legal aspects of cyberbullying", *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 15, no. 1, pp. 91–97, 2021. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97. [In Russian]
- [10] N. E. Willard, "Cyberbullying and cyberthreats: responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress," Champaign, IL: Research Press. 2007.
- [11] P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho, S. Fisher, S. Russell, N. Tippett, "Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils," *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, no. 49, pp. 376–385, 2008.
- [12] E. Menesini, A. Nocentini, B.E. Palladino, A. Frisé, S. Berne, R. Ortega-Ruiz, J. Calmaestra, H. Scheithauer, A. Schultze-Krumbholz, P. Luik, K. Naruskov, C. Blaya, J. Berthaud, P. K. Smith, "Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries," *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, vol. 15, no. 9, pp. 455–463, 2012. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040.
- [13] P. Smith, G. Steffgen (Eds.), "Cyberbullying through the new media: findings from an international network (1st ed.)," Psychology Press, 2013. DOI:10.4324/9780203799079.
- [14] T. V. Cong, N. P. H. Ngoc, B. Weiss, N. V. Luot, N. B. Dat, "Definition and characteristics of "cyberbullying" among vietnamese students," *VNU Journal of Science: Education Research*, [S.l.], vol. 34, no. 4, 2018. DOI:10.25073/2588-1159/vnuer.4212.
- [15] D. Menin, A. Guarini, C. Mameli, G. Skrzypiec, A. Brighi, "Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective," *International Journal of Clinical and Health Psychology*, vol. 21, Issue 2, 100221, pp. 1–8, 2021. DOI:10.1016/j.ijchp.2021.100221.
- [16] A. E. Vojkskuskij, "Behavior in cyberspace: psychological principles," *Person*, no. 1, pp. 36–49, 2016. [In Russian]
- [17] W. Heirman, M. Walrave, "Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying," *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, vol. 2, no. 2, 2008. Available: <https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256>.
- [18] C. P. Barlett, D. A. Gentile, C. Chew, "Predicting cyberbullying from anonymity," *Psychology of Popular Media Culture*, no. 5(2), pp. 171–180, 2016. DOI:10.1037/ppm0000055.
- [19] L. Zhao, Y. Wu, X. Huang, L. Zhang, "Network anonymity and cyberbullying among chinese adolescents: a moderated mediation model," *Int. J. Environ. Res. Public Health*, no. 19, p. 637, 2022. DOI:10.3390/ijerph19020637.
- [20] S. Iqbal, H. Jami, "Exploring definition of cyberbullying and its forms from the perspective of adolescents living in Pakistan," *Psychol Stud.*, no. 67, pp. 514–523, 2022. DOI:10.1007/s12646-022-00689-0.
- [21] G. U. Soldatova, E. N. L'vova, I. D. Permyakova, "The phenomena of traditional bullying and cyberbullying: similarities and differences," R. V. Ershova (ed.), in *Digital society as a cultural and historical context of human development*. Kolomna: State University of Social Sciences and Humanities, pp. 380–385, 2018. [In Russian]
- [22] S. Bastiaensens, K. van Cleemput, H. Vandebosch, K. Poels, A. DeSmet, I. De Bourdeaudhuij, "“Were you cyberbullied? let me help you.” Studying adolescents' online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group for a," in H.

- Vandebosch, L. Green (eds), *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Springer, Cham., 2019. DOI:10.1007/978-3-030-04960-7_7.
- [23] A. DeSmet, S. Bastiaensens, K. Van Cleemput, K. Poels, H. Vandebosch, G. Deboutte, L. Herrewijn, S. Malliet, S. Pabian, F. Van Broeckhoven, O. De Troyer, G. Deglorie, S. Van Hoecke, K. Samyn, I. De Bourdeaudhuij, "The efficacy of the friendly attac serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: a cluster-randomized controlled trial," *Computers in Human Behavior*, no. 78, pp. 336–347, 2018. DOI:10.1016/j.chb.2017.10.011.
- [24] S. Pabian, H. Vandebosch, K. Poels, K. Van Cleemput, S. Bastiaensens, "Exposure to cyberbullying as a bystander: an investigation of desensitization effects among early adolescents," *Computers in Human Behavior*, no. 62, pp. 480–487, 2016. DOI:10.1016/j.chb.2016.04.022.
- [25] L. N. Jenkins, Y. Yang, S. Changlani, S. Mitchell, "Deconstructing prosocial bullying bystander actions," *Contemp School Psychol*, Sept., 2022. DOI:10.1007/s40688-022-00429-1.
- [26] T. Jungert, P. Karataş, N. O. Iotti, S. Perrin, "Direct bullying and cyberbullying: experimental study of bystanders' motivation to defend victims and the role of anxiety and identification with the bully," *Front. Psychol*, no. 11(616572), 2021. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.616572.
- [27] C. L. Schoffstall, R. Cohen, "Cyber aggression: the relation between online offenders and offline social competence," *Social development*, vol. 20 (3), pp. 587–604, 2011. DOI: 10.1007/s10964-012-9787-2.
- [28] P. J. R. Macaulay, L. R. Betts, J. Stiller, B. Kellezi, "Bystander responses to cyberbullying: the role of perceived severity, publicity, anonymity, type of cyberbullying, and victim response," *Computers in Human Behavior*, vol. 131, 107238, pp. 2-13, 2022. DOI:10.1016/j.chb.2022.107238.
- [29] E. S. Erbiçer, E. Toprak, A. Metin, "Cyberbullying among adolescents in Turkey: the relationship between coping strategies and cyberbullying perpetration," *Child Adolesc Ment Health*, no. 28, pp. 67-75, 2023. DOI:10.1111/camh.12622.
- [30] M. F. Wright, "Adolescents' perceptions of popularity-motivated behaviors, characteristics, and relationships in cyberspace and cyber aggression: the role of gender," *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 20, no. 6, pp. 355–361, 2017. DOI: 10.1089/cyber.2016.0693.
- [31] R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner, "Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth," *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 4, pp. 1073–1137, 2014. DOI: 10.1037/a0035618.
- [32] H. Kyrrestad, S. Kaiser, S. Fossum, "Frequency of bullying and cyberbullying victimization and associated factors among norwegian adolescents," *Int Journal of Bullying Prevention*, 2023. DOI:10.1007/s42380-023-00182-w.
- [33] N. Alrasheed, S. Nishat, A. Bin Shihah, A. Alalwan, H. Jradi "Prevalence and risk factors of cyberbullying and its association with mental health among adolescents in saudi arabia," *Cureus*, no. 14(12): e32806, pp. 1-10, 2022. DOI:10.7759/cureus.32806.
- [34] M. C. Martínez-Monteagudo, R. Escortell, B. Delgado, "Coping strategies in victims, bullies, bullies-victims and bystanders of cyberbullying," in *Edulearn18 Proceedings*, pp. 1739-1746, 2018. DOI: 10.21125/edulearn.2018.0512.
- [35] F. Bayraktar, H. Machackova, L. Dedkova, A. Cerna, A. Ševčíková, "Cyberbullying: the discriminant factors among cyberbullies, cyberbystanders, and cyberbully-victims in a czech adolescent sample," *Journal of Interpersonal Violence*, no. 30(18), pp. 3192-3216, 2015. DOI:10.1177/0886260514555006.
- [36] R. Sittichai, P. K. Smith, "Bullying and cyberbullying in thailand: coping strategies and relation to age, gender, religion and victim status," *Journal of New Approaches in Educational Research*, no. 7(1), pp. 24-30, 2018. DOI: 10.7821/naer.2018.1.254.
- [37] M. A. Novikova, A. A. Rean, I. A. Kononov, "Bullying in Russian schools: the experience of diagnosing prevalence, gender and age characteristics and the relationship with the school climate," *Voprosy obrazovaniya/ Educational Studies Moscow*, no. 3, pp. 62–90, 2021. DOI:10.17323/1814-9545-2021-3-62-90. [In Russian]
- [38] S. S. Antipina, E. V. Bahvalova, A. V. Miklyaeva, "Gender differences of cyber aggression in adolescence," in *Psychological Research in Education, Herzen Readings*, Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 10-11, 2019, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Release 2, pp. 65-73, 2019. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-7. [In Russian]
- [39] S. Bastiaensens, H. Vandebosch, K. Poels, K. van Cleemput, A. DeSmet, I. de Bourdeaudhuij, "Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully," *Computers in Human Behavior*, vol. 31, pp. 259-271, 2014. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036.
- [40] S. Wang, K. J. Kim, "Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying," *The Social Science Journal, Routledge*, no. 61(4), pp. 853-862, 2021. DOI:10.1080/03623319.2020.1861826.
- [41] C. Tzani-Pepelasi, M. Ioannou, J. Synnott, S.-A. Ashton, "Comparing factors related to school-bullying and cyber-bullying," *Crime Psychology Review*, 4:1,1-25, pp. 267–291, 2018. DOI: 10.1080/23744006.2018.1474029.
- [42] Zh. V. Puzanova, A. G. Tertyshnikova, "The vignette method in sociological research: methodological principles and methodological solutions," *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, no. 4, pp. 44-56, 2015. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-viniotok-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah-metodologicheskie-printsipy-i-metodicheskie-resheniya>. [In Russian]
- [43] L. K. Grigoryan, E. V. Gorinova, "Factor survey: advantages, scope, practical recommendations," *Social psychology and society*, vol. 7, no. 2, pp. 142–157, 2016. DOI: 10.17759/sps.2016070210. [In Russian]

Vladimir L. Nazarov – Dr. Sci. (Education), Associate Professor, Professor, Department of Organisation of Work with Youth, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Department of Project Management in Education, Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region; ORCID 0000-0001-9236-161X; Ekaterinburg, Russia. e-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Natalya V. Averbukh – Senior Lecturer, Department of Professional Pedagogy and Psychology, Institute of Psychological and Pedagogical Education, Russian State Vocational Pedagogical University; Senior Lecturer of Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems. Ural Federal University (UrFU); ORCID 0000-0002-8232-6711; Ekaterinburg, Russia. e-mail: natalya_averbukh@mail.ru